

Жанр записных книжек у А.П. Чехова и С.Д. Довлатова

Круглова Алиса Николаевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

«Можно благоговеть перед умом Толстого. Восхищаться изяществом Пушкина. Ценить нравственные поиски Достоевского. Юмор Гоголя. И так далее. Однако похотим хочется быть только на Чехова» [Довлатов: 204]. Эти строки из «Записных книжек» С.Д. Довлатова характеризуют его отношение к творчеству А.П. Чехова. Довлатова сближает с Чеховым отношение к писательскому труду. Понятие «литератор» для Чехова, как и для его предшественника, не имеет сакрального значения, это не пророк или учитель, а такой же труженик, профессионал, как и многие другие: «Пишем мы машинально, только подчиняясь тому заведенному порядку, по которому одни служат, другие торгуют, третьи едят...» [Там же: 133].

В одном из интервью Довлатов заметил: «Не думайте, что я кокетничаю, но я не уверен, что считаю себя писателем. Я хотел бы считать себя рассказчиком. Это не одно и то же. Писатель занят серьезными проблемами – он пишет о том, во имя чего живут люди. А рассказчик пишет о том, КАК живут люди. Мне кажется, у Чехова всю жизнь была проблема кто он: рассказчик или писатель?» [Довлатов: 351–352]. Тем не менее, подчеркивая значимость «ремесла», и Чехов и Довлатов понимали, что творческим стимулом становится уже не исчерпавшая себя пророческая миссия и не высокая обязанность, а долг – чувство, имеющее преимущественно внутренний характер.

Такое отношение к творчеству проявляется в разных по жанру произведениях обоих писателей, и в частности в их записных книжках. Они различны по форме. Если чеховские записные книжки – это действительно рабочий материал, то у Довлатова – это узаконенный жанр, игра, которая имеет форму рабочей записи, готовое произведение. В этом проявляются постмодернистские тенденции у Довлатова, его поиск новых форм в литературе, стремление к простоте и ясности выражения, «псевдодокументализм», как называл это сам Довлатов. Разница между записными книжками Чехова и Довлатова обусловлена и внелитературными факторами: различаются социальные условия жизни и события, нравы и характеры людей, воссоздается иная языковая реальность.

Ни в довлатовских, ни в чеховских записных книжках не отдается предпочтение каким-либо темам, преобладает свободная композиция. Большею частью это наброски к будущим произведениям, различные формы языковой игры (обыгрывание имен, каламбуры и т. п.).

Сравнивая стилистику записных книжек писателей, можно выделить следующие общие черты:

Лаконизм. Многие записи в записных книжках Довлатова и Чехова представлены в виде афоризмов, заменяющих обширные рассуждения.

Определенные особенности синтаксиса. Фразы кратки и легки. Предпочтение отдается простым предложениям. Чутко улавливается синтаксическая специфика речевого портрета героев.

Композиционная цельность записей, которые при всей своей краткости (в несколько слов или строк) являются законченным произведением по остроте характеристик, четкости формулировок и глубине смысла.

Особые функции жанра анекдота. Игорь Сухих пишет: «Довлатов-литератор начинается с анекдота» [Сухих: 41]. Жанровые модели этой формы можно обнаружить и у Чехова.

Использование элементов поэтики абсурда. Тема «власти вещей» над человеком – одна из центральных тем Чехова. Записные книжки Чехова хранят множество потенциальных сюжетов, в которых центр фабульности составляют реалии мира вещей. «Человек собрал миллион марок. Лег на них и застрелился». Склонность к показу абсурда – одна из важнейших и интереснейших тем в творчестве Сергея Довлатова.

Абсурд здесь на разных уровнях: и в диалогах и в ситуациях. Абсурд становится формой компромисса между полярными состояниями и понятиями.

Сочетание комического и драматического. «Всхлип со смешком», «смех сквозь слезы» – все это можно сказать о Чехове и Довлатове. Обломки драмы, конспекты «большой» прозы не раз встречаются и в записных книжках.

Особенности использования записных книжек как источника сюжетов у Чехова и Довлатова в докладе рассматриваются на примере чеховских рассказов «Убийство» и «По делам службы». Истоки рассказа «Убийство» можно найти в записных книжках, в записях, знаменующих появление замысла рассказа и одновременно характеризующих его эмоциональный фон, а также в записях, наметивших сюжет будущего рассказа, его отдельные эпизоды.

Можно также проследить трансформацию изначального замысла рассказа «По делам службы» от записных книжек до окончательного текста повести. Довлатов тоже использовал в своих произведениях сюжеты из записных книжек, постоянно меняя детали, имена персонажей, прочие подробности. Нетронутой оставалась только основа истории. В отличие от Чехова у Довлатова нет примеров записей, которые бы как-то видоизменялись или развивались. Это скорее заготовки, которые он использует, изменяя только имена героев. Эти особенности ярко проявляются в повестях «Ремесло», «Наши», «Заповедник».

Литература

Генис А. Довлатов и окрестности. М., 2004.

Довлатов С.Д. Собрание сочинений: В 4 т. СПб., 2005.

Паперный З. Записные книжки Чехова. М., 1976.

Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб., 2006.

Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1956.